

ОЛЕНЕВСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ. ТРАГЕДИЯ КРЕСТЬЯНСТВА.

В 20-е годы в Оленевке «началось как бы возрождение, – пишет уже упомянутая Александра Григорьевна Каюкова, – появилась потребкооперация, и все в ней можно стало кушать. Люди стали строить новые дома. Это вспоминается как что-то светлое. И так было лета два или три, наверное, два». Но затем в старом селе начались новые порядки. Все больше и больше власти стремились использовать крестьянский труд для своих целей. Создавались условия, когда сельский труженик, работавший от зари до зари, был вынужден сдавать хлеб или какой-либо другой товар за безценок государству. В добровольно-принудительном порядке крестьяне потянулись в кооперативы. Здесь уже не было ни середняков, ни

зажиточных, все шло к одному эталону – эталону бедности во имя безумной советской идеи. Кооперация и налогообложение были предвестниками коллективизации и создали для нее все условия. Сама же коллективизация, как ликвидация частных крестьянских хозяйств и создание так называемых коллективных, началась в 1929 году, превратив крестьянство в совершенно безправный и неимущий слой населения.

Предоставим читателю самому судить о ситуации.

В пензенской газете «Новая деревня» за 10 апреля 1924 года сказано, что «2-го апреля т. Попов устроил торги на крестьянские пожитки, отобранные у злостных неплательщиков единого сельхозналога. Торги происходили в с. Оленевке. Некоторым неплательщикам (более сильным) описанное у них имущество было возвращено под обязательство срочно выплатить весь причитающийся с них налог. Возвращался, главным образом, крупный рогатый скот. Что же касается скота мелкого: телок, бычков, овец и др. имущества вроде швейной машины, овчин и т. п., то все это было пущено с молотка. По окончании торгов т. Попов распорядился зарезать овцу из числа отобранных и заказал у предсельсовета Плошкина обед, на который были приглашены председатель волисполкома т. Кульков, член Кирилин, агроном Бюллер, его помощник Герун и многие другие. Среди жителей села начался ропот. Когда же обед был готов и приглашенные собрались, то на столе появились и самогон, за которым посыпались два верховых курьера».

1 января 1927 г. – о Соловцовке: «Пока на кулаков не нажимали, они и не думали платить сельхозналог. Но вот стали у них описывать овец, самовары и прочее, платежи сразу же стали поступать правильно»¹⁰². Далее, 28 февраля 1928 года: «В селе Оленевке решено провести самообложение на сумму 1415 рублей (на 280 дворов). В селе Соловцовке – на сумму 1216 руб., (на 285 дворов). Сумма обложения богатых домохозяев доходит до 200 рублей на двор, а бедноты освобождено до 25 %. Собранные суммы пойдут в обоих селах, главным образом, на ремонт прудовых гатей и полевых колодцев, ремонт школ и клубов, исправление местных дорог и мостов, ремонт пожарного обоза, охрану селений и общественного леса»¹⁰³.

Из газеты «Новая деревня» за 2 марта 1928 года: «До приезда к нам шефа (Ул.-Лен. Жд.) и его бесед с крестьянами о значении своевременной сдачи хлеба государству, крестьянство придерживало хлеб у себя в запасе. За время же кампании, после толкового разъяснения шефа, через Оленевский кооператив сыпано хлеба 6 вагонов (в вагоне 1000 пудов) и заключено договоров с крестьянами на сдачу в кооператив к 1 марта еще 4-х вагонов. Таким порядком

норма заготовок, данная Оленевскому районному кооперативу, будет выполнена с излишком».

В 1928 – 1929 гг. началось насильное изъятие хлеба у населения, всюду происходили «перегибы» по коллективизации. В некоторых селах бригады по хлебозаготовкам встречали вооруженные сопротивления крестьянства. Так, в 1929 году погиб муж двоюродной племянницы отца Иоанна Оленевского – Александр Михайлович Шунин. Он родился 29 сентября 1890 года в Оленевке, был высоким, интересным молодым человеком. Еще до революции, обладая талантом кулинара, Александр работал поваром: сначала у княгини Голицыной в Князевке, затем у Селиванова в Оленевке. Обладая прекрасным голосом, пел у Голицыной и в церковных хорах Оленевки и Соловцовки. В 1914 году Александр Михайлович был призван на фронт, находился в германском и австрийском плену,

*Иван Михайлович и Александр Михайлович Шунины
(слева направо). 1926 г.*

откуда вернулся в 1918 году. Возвратившись на родину, женился на Пелагее Николаевне Калининной и жил с матерью и братом Иваном на улице Колончик, в доме по левую сторону от нынешней кельи отца Иоанна. У них было трое детей: Юлия, Таисия и Евгений. После революции Александр Михайлович работал в сельсовете, затем – в сфере кооперации, потом уполномоченным по хлебозаготовкам в Кондольском районе. В 1929 году он выезжал с целью изъятия хлеба в Кондольский район, где умер внезапной смертью. В тот раз нагруженные хлебом подводы были встречены выстрелами крестьян; товарищ, сидевший рядом с Александром, был убит.

В этот момент от сердечного приступа скончался и Александр Михайлович Шуниц. Хоронили обоих всей Шензой, на Мирноосицком кладбище. Их смерти придали героический смысл.

В каждой части Оленевки существовали учрежденные еще до революции сельскохозяйственные общества: в Дегтерёвке – 1-е, в Селивановке – 2-е. В 1919 году к 1-му Оленевскому обществу относилось 653 жителя села, ко 2-му – 456. На базе обществ и самих поместий были устроены советские коллективные хозяйства: в имении Селиванова – совхоз им. Коминтерна, а в Дегтерёвке, в 1929 г. – колхоз им. Сталина.

Совхоз был создан в 1919 году и на протяжении своего существования отличался весьма успешной деятельностью. Его первым заведующим был Никифор Максимович Кузнецов, которого в сентябре 1919 года призвали в ряды Красной Армии. На его место назначили Ивана Августовича Лездмача, который исполнил должность заведующего совхозом в течение 40 лет. Он уже упоминался выше как комиссар имения, теперь остановимся на его личности более подробно. Это был прибалт, уроженец Лифляндской губернии*. Родился он 29 февраля 1887 года, а умер уже в наши дни – 9 сентября 1986 года, не дожив 4-х месяцев до своего 100-летия. Но удивляет в нем не только возраст. Лездмач был одним из тех редких людей, которые, несмотря на перемены 1917 года, были одинаково востребованы и старой, и новой властью. До революции Иван Лездмач пользовался большим расположением Селиванова, который выписал его из Риги, как одаренного человека, получившего хорошее образование в области управления. Тут Лездмач унаследовал от Селиванова лучшие качества, а когда грянула революция, он принял нейтралитет, и его ум пригодился. Вопреки презрительному отношению Советов ко всему старорежимному, Лездмач был назначен комиссаром имения и сохранил его в бурные годы революции. Он был хватким и дальновидным человеком, обладал

Иван Августович Лездмач.

* Лифляндская губерния располагалась на юге нынешней Эстонии и в центре и на востоке Латвии.

большим умом и организаторским талантом, прекрасно разбирался в вопросах сельского хозяйства и бухгалтерии. Еще до назначения заведующим совхозом, в июле 1919 года он на выгодных условиях взял в аренду дехтеревский сад, чем сохранил и сам сад, и урожай, давший немалую прибыль от его продажи. Он умел грамотно поставить всякое дело, вывести из кризиса любую ситуацию. Но самыми ценными его качествами были честность, справедливость, стремление помочь ближнему. Когда Лездмача назначили заведующим, он в первую очередь вернул крестьянам все долги, накопленные совхозом до него. Всем этим он сразу оправдал доверие не только начальства, но и населения. Уже в 1920 году совхоз был образцом правильного и заботливого ведения хозяйства. Разумная деятельность И. А. Лездмача была особенно чувствительна в годы коллективизации, репрессий и Великой Отечественной войны, когда на людей обрушились неисчислимые бедствия. Мы еще вернемся к этому, а пока скажем, что контора совхоза разместилась как раз в доме Селиванова. Иван Лездмач расположился на втором этаже, на первом – поселили рабочих.

Оленегка. Работы в совхозе.

Совсем по-другому обстояло дело в колхозе им. Сталина, который был создан в ноябре 1929 года. Нерадивые начальники здесь часто менялись. Именно с деятельностью колхоза связано раскулачивание местного населения. «У крестьян стали отнимать лошадей, - пишет А. Г. Кисюкова, - и в колхозе их постигла страшная участь, все они заболели сапом». Действительно, по документам в ноябре 1933 г. в Оленегке вспыхнула эпидемия менингоподобного заболе-

вания среди лошадей. По колхозам им. Сталина и Верный путь Оленевского сельсовета пало 36 голов. Это были лошади, отобранные у крестьян. Причиной заболевания стало несоблюдение гигиены на скотомогильнике, расположенном в полукилометре от Оленки. Был сделан выговор ветеринару колхоза Павлову. За перегибы, допущенные в работе колхоза, снят председатель Красовиков, на его место назначен Захаров из Берзевского с/с¹⁰⁴.

Оленевка. Сельхозработы. 1930-е гг.

Одним из первых председателей колхоза был известный своей безграмотностью Ермолай Иванович Цыцин (1888 – 1967), оставивший по себе дурную славу в памяти земляков. Вот что рассказывали о нем местные старожилы. «Ермолай Цыцин никогда не имел ни кола, ни двора, потому как слыл большим лентяем. Все детство и юность он проходил без штанов, в одной длинной, по колено рубахе, и родной отец звал его Ермошкой. До революции он работал у Селиванова – пас коров и это было единственное, что ему доверяли. Когда пришла советская власть, Ермолай пожелал вступить в партию, и как «точный пролетарий» был, конечно, принят. Вступив в партию, Ермошка разжился штангами и как-то сказал: «Вот де коммунисты все у власти, а у меня, где власть?». Поспорить с этим никто не мог, и поначалу Цыцина назначили членом Оленевского волисполкома. Когда же его расформировали, Ермолай остался не у дел. Вскоре начал создаваться колхоз. Дела в колхозе почему-то не шли: кто силялся, кто проворовался и Ермолай пошел в Кондоль, просил сделать его председателем. Конечно, все знали о его безграмотности, но председате-

лем все же поставили, понадеявшись на секретаря. Люди смеялись и недоумевали, что теперь ими будет управлять Ермолай, человек, не имеющий совершенно никакого жизненного опыта, безграмотный. А народ в Оленевке всегда был насмешливый. Секретарем Цыцина был один хитроватый мужичок, и он стал учить председателя грамоте. Научил Ермолая писать две буквы «Ц» и «Ы». Так Ермолай Иванович и расписывался тремя буквами «ЦЫЦ». И чего только не подсовывали ему с просьбой: «Ермолай Иваныч, распишись». Даже писали разные ругательства в его адрес, а он читать не умел и везде большими буквами выводил первые буквы своей фамилии».

Когда началась коллективизация, Ермолай Цыцин принял самое активное участие в раскулачивании. О чинимых им грабежах старики помнят и сегодня. Он жестоко разорял своих же односельчан в Оленевке, Соловцовке и даже ездил в Кондоль, где жили бывшие кондольские кушцы и откуда привез несколько сундуков разного добра. Беззакония Ермолая Цыцина ожесточили против него местное население. Многие желали расправиться с ним, что и случилось – сожгли в Оленевке его дом.

В 20-е – 30-е годы в Оленевском сельсовете очень многие крестьяне были лишены избирательных прав или раскулачены. В первую очередь, этому подверглись церковнослужители, бывшие землевладельцы, зажиточные крестьяне, стражники, урядники. В 1923 году как служителей культа в Оленевке лишили прав святого старца Ивана Васильевича Калинина, священника оленевской церкви Дмитрия Ивановича Любимова и его супругу Александру, псаломщика Александра Ивановича Кушнерика и его супругу Антонину. В 1926 году в Оленевке числился 21 лишенец¹⁰⁵. А в 30-е годы многие были раскулачены. В Оленевке это – Дмитрий Иванович Ремезов, Павел Иванович Васильев, Григорий Николаевич Ремезов, Семен Никифорович Кириллин; в Соловцовке – диакон Федор Иванович Кондрашин, Павел Андриянович Карлов; в Колпопановке – Фроловы, Филипповы, 3 семьи Мельниковых. Среди них были родственники отца Иоанна Оленевского и лица имевшие отношение к Церкви. Приведем примеры некоторых судеб и документов.

Житель Дегтерёвки Григорий Николаевич Ремезов родился 10 августа 1893 года и относился к оленевской общине старообрядцев. Его первой женой была Параскева Алексеевна, от этого брака 3 октября 1918 года родилась дочь Лидия и в 1913 году – Александра, та самая Александра Григорьевна Каюкова (Ремезова), которая написала воспоминания об Оленевке и на которую мы часто ссылаемся. После смерти в апреле 1922 года жены Параскевы, Григорий Николаевич женился во второй раз. Его супругой стала молодая вдова, двоюродная племянница отца Иоанна Оленевского Ольга Никола-

евна Серова (см. приложение, схема 1). Ее первым мужем был красноармеец Владимир Степанович Серов (1897 г.р.), убитый в Пензе в 1922 году. Брак Ремезова и Серовой (Калининой) был заключен 26 октября 1922 года, и от него в 1930 году родилась Нина Григорьевна Ремезова, которая живет в Оленевке, и которая очень многое рассказала про святого старца Иоанна и про оленевскую прежнюю жизнь.

В 1934 году в одном из документов о Григории Николаевиче Ремезове¹⁰⁶ сказано, что он живет с матерью в Оленевке, рядовой кулак, имел батраков, маслобойню, фруктовый сад в 250 деревьев. Лишен избирательных прав в 1931 году, так как его хозяйство отнесено к числу кулацких. А в 1935 году в сельсовет обращается Ольга Серова с просьбой предоставить ей усадьбу и сад, отобранные у ее 2-го мужа Ремезова Григория Николаевича. Он постановлением от 31 января 1934 года был лишен избирательных прав и раскулачен (имел довольно большое хозяйство), да и сама она была лишена избирательных прав. В своем прошении Ольга описывает свою судьбу, что развелась с мужем в 1925 году, но проживала с ним в одном доме до 1934 года. Вступила в колхоз им. Сталина. Имеет 3-х детей: одного от первого мужа и двух от Ремезова. Разобрав прошение, Кондольский РИК постановил: Серову-Ремезову в правах восстановить как несправедливо лишенную, а в возвращении усадьбы, принадлежащей Ремезову, отказать¹⁰⁷.

В 1931 году был раскулачен житель Оленевки крестьянин Семен Никифорович Кирилин. Он жил в Детгеревке на центральной улице, был человеком верующим, спокойным, уравновешенным, занимался сельским хозяйством. В 30-е годы, когда церковь в Оленевке уже не действовала, он возил старца Иоанна на службу в Соловцовку. Семен Никифорович и его жена Анна Петровна были лишены избирательных прав, а в сентябре 1931 года семью выгнали из дома. Это произошло несмотря на то, что Семен состоял в колхозе с момента его образования и при вступлении в колхоз сдал две лошади, жеребенка, два комплекта упряжи, молотилку, два плуга, борону, всего на 895 рублей¹⁰⁸.

Семья Кирилиных интересна еще тем, что жена Семена – Анна Никитина была родной сестрой Александры Петровны Шеменковой (Никитиной), по инициативе которой в первой келье отца Иоанна была организована пуховая артель. У Семена было пятеро детей, это Григорий, Алексей, Виктор, Иван и Надежда. Последняя вышла замуж за двоюродного племянника отца Иоанна Оленевского – Калинина Ивана Николаевича, жизнь которого была тесно связана со святым старцем. Они вместе жили на улице Колончик в Оленевке, а когда в 1936 году старец попал в тюрьму, именно Иван Калинин и его жена Надежда, к тому времени переехавшие в Пензу, делали все возможное для его освобождения.

В начале 1930-х гражданских прав был лишен уроженец Соловцовки Павел Андрианович Карпов. Его отец Карпов Андриан Васильевич был крупным землевладельцем Соловцовки, исполнил должность старосты Троицкой церкви и умер незадолго до революции. В 1935 году Павел Карпов проживал в Пензе и обращался к прокурору Телегинского райисполкома с прошением:

На оленевских полях. 1930 г.г.

«В октябре м-це 1934 г. я подавал заявление в Пензенский горсовет о восстановлении меня в правах гражданства. Ответа до сего времени, несмотря на то, что прошло уже несколько месяцев, мне нет, потому что Телегинский РИК, несмотря на то, что Пензенский горсовет запрашивал пять раз, материала никакого не дал.

Я гражданин с. Соловцовки Оленевского с/с Телегинского р-на. Мой отец до революции имел свою землю и скот. С 1919 г. я имел средняцкое хозяйство: дом, две лошади, корову, землю обрабатывал сам со своей семьей. В 1929 году меня раскулачили и сослали в северные лагеря. В ссылке я был 3,5 года. В 1933 в марте м-це меня освободили с правом проживания в любом городе. Сейчас я все время работаю в г. Пензе – сторожком. У меня есть дети и теперь благодаря тому, что я не восстановлен в правах гражданства, сына моего, рождения 1912 года не берут в Красную армию, а также и не принимают никуда на работу. Дочери работают школьницами,

имеют стаж работы от 5 до 6 лет. Но все же, несмотря на то, что имеют стаж работы, ценятся как хорошие работники – все же считаются дочерьми лишенца.

Я убедительно прошу Вас тов. прокурор ускорить дело с высылкой справок от Телегинского РИКа для ведения нашего дела. По адресу г. Пенза, Горсовет, Стол лишенцев. 21.3. 35 года. Карпов»¹⁰⁹.

Но так как П. А. Карпов до революции имел 500 га земли в Соловцовке, конеферму в 30 голов, лесной участок в 100 га, свиноферму в 100 голов, до 25 постоянных рабочих, то в восстановлении в правах ему было отказано, несмотря на то, что его хозяйство в январе 1920 года было признано трудовым.

Характерной является судьба псаломщика соловцовской церкви Федора Ивановича Кондрашина, 1885 г. рождения, лишенного избирательных прав и сосланного в сталинские лагеря. В 1934 г., 27 мая, вернувшись из ссылки, он просит восстановить его в гражданских правах и вот что пишет о себе: «Я, Кондрашин сын крестьянина с молодости до 15-ти летнего возраста работал с отцом в сельском хозяйстве, отец мой имел наделенную землю и занимался хлебопашеством, ни каких предприятий у него не было. С 15-ти летнего возраста я пошел от отца в ученики учиться столярному ремеслу и работал с 1900 года до 1914 года после чего меня взяли на Руско-Германскую войну, прослужив до революции на войне, во время революции был командирован по специальности для работы в Пензу на аэропланый завод*, где и работал до 1918 г. С 1918 года я приехал домой в свое село и стал заниматься сельским хозяйством, работал дома до января м-ца 1930 года.

В январе м-це 1930 года меня арестовали и лишили прав голоса за агитацию против коллективизации и постановлением Тройки О.Г.П.У. мне дали высылку и заключение в Исправительные Трудовые Лагеря (с 1930 по 1934 г. – прим. авт.), в настоящее время я свой срок отбывания окончил, и опять вернулся на свою родину, а посему прошу районную комиссию восстановить меня в правах гражданства, так как я желаю работать, чтобы прокормить свое семейство, имеющее 5 человек малолеток. Прошу вас в просьбе моей не отказать и о результате дела сообщить через с/совет. К сему и подписуюсь. Кондрашин 27 июня 1934 года»¹¹⁰.

Однако это обращение в определенных инстанциях показалось неубедительным и ему, видимо, предложили написать прошение, с более глубоким смыслом, исполненное покаяния за «грехи прошлого».

* Находился на базе современного завода «Эра», с 1916 по 1923 год, специализировался на самолетостроении.

«Прошу Оленевский с/совет восстановить меня в правах голоса. Сообщаю о себе следующие сведения: Родился в с. Соловцовке в 1885 г., хозяйство моего отца было бедняцкое; не имелось собственной коровы, а была так называемая исполная, т.е. зажиточный крестьянин отдавал бедняку телку на выкорм до тех пор, пока она вырастет и отелится. Тогда хозяин забирает молодую корову себе, а бедняку оставляет за прокорм приплод. Вот в каких условиях находилась семья отца. Благодаря бедности я не имел возможности окончить даже сельской школы и до сих пор остаюсь полуграмотным. Из-за бедности пошел учиться на столяра. Отец отдал меня в Пензу, в ученики, в столярную мастерскую. Будучи еще учеником, обладая от природы хорошим голосом, я по совету других мастеровых, обладающих хорошими голосами и певших в церковных, т. к. в другие хоры кроме церковных поступить было нельзя тоже поступил в церковный хор и выучился пению. Учиться пению ипеть приходилось только в праздники и по воскресениям, а в будни с утра до ночи — в столярной мастерской. Так в качестве рабочего-столяра я работал до империалистической войны. Во время войны меня взяли в старую армию, где я пробыл рядовым до демобилизации. После демобилизации поступил столяром на Аэропланый завод в Пензу, где проработал до 1919 года.

В 1918 году в Соловцовке случилось происшествие, которое мне в дальнейшем причинило столько горя и несчастья. Именно в это время был спущен в реку Ардым спирт на бывшем Селявановском заводе, как это происходило тогда по всем заводам. Все население бросилось собирать спирт из канав и ям около завода. Дорвавшись до спирта, псаломщик соловцовской церкви опился им сразу на смерть.

В это время выборное начало проникло даже в церковь. Поэтому встал вопрос о выборе псаломщика. Зная меня как хорошего певца и своего односельчанина, Соловцовские гр-не вызвали меня с завода из Пензы и выбрали псаломщиком. Вышнее духовенство не хотело меня допускать до должности псаломщика в Соловцовскую церковь как не имеющего никакого образования и, тем более что я мужичьего, а не их духовного звания. Но под напором населения поповскому начальству пришлось уступить и с 1919 года я стал псаломщиком.

В 1929 году я это «ремесло» бросил и занимался сельским хозяйством. В 1930 во время перегиба по коллективизации в нашей местности, я был выслан на 5 лет. Отбывал высылку в Темниковских лагерях Ср-Волж. Края, а также строил Беломорский канал. За честную работу в лагерях и на Беломорстрое я был досрочно освобожден с правом свободного проживания на всей территории СССР (освобожден в 1934 г. — прим. авт.).

Если бы я был образованным или достаточно сведущим человеком, а не таким полуграмотным, каким я есть на самом деле, то никогда бы со мной не случилось того, что я рабочий-столяр происходящий из бедной крестьянской семьи, очутился среди попов. Это пятно я хочу стереть с себя честной работой в качестве рабочего и поэтому прошу с/совет о восстановлении меня, дабы хотя остатками своей жизни исправить ту тяжелую ошибку, которую я по своей малосознательности допустил, а именно ушел с завода и стал хотя и по выбору своих односельчан, но лицом, не полезным для трудящихся.

Еще раз прошу не оставить моей просьбы, т. к. врагом Советской Власти я себя не считал и не считаю. К сему Ф. Кондрашину¹¹¹. На этот раз своим отказом от Церкви Федор Иванович власти удовлетворил и был восстановлен в гражданских правах.

Последний пример наглядно показывает, насколько простой человек был задавлен советским режимом, как под нажимом богоборческой власти из-за куска хлеба приходилось отрекаться от Бога и порывать с Церковью Христовой, под сенью которой воспитывались многие поколения русских людей и собственные предки. Описываемые нами человеческие страдания происходили не где-нибудь, а на оленевской земле, и святой старец Иоанн был их свидетелем и свидетелем небезучастным. Для всех этих людей, выброшенных из советского общества, и прибегавших к помощи Божией, старец был первым утешителем и заступником. Когда положение становилась безысходным, когда не оставалось надежды на помощь человеческую, тогда обездоленные, исстрадавшиеся люди шли к угоднику Божию. Среди таких паломников были люди разного социального положения и духовного уровня, местные и «из дальних стран». Жившая в них Христова вера и почитание оленевского старца, слагавшаяся десятилетиями, были гораздо сильнее, нежели навязанное теперь безбожие и вера в социалистическое будущее. Да, шли гонения на Церковь, из людей выбивали убеждения о небытии Бога, но вот к отцу Иоанну люди шли независимо от власти и времени. И это явление не подчинялось вновь установленным земным законам. Хорошо известно о тайных посещениях отца Иоанна работниками советских организаций – председателями сельсоветов, колхозов и совхозов. Старец сам даже шутил по этому поводу, говоря: «Ко мне все коммунисты ходят». Что говорить о людях простых. В разговорах и пересказах крестьян и сельских женщин о постигшей их нелегкой доле, можно было часто слышать: «Ну что же, посмотрим, что скажет Иван Васильевич?» или «А что посоветовал дедушка Иван?». Благочестивая жизнь отца Иоанна, его неизмеримая любовь и сострадание ко всякому человеку, наконец, чудо, которого ждали и которое совершалось по молитвам старца – вот что влекло к нему тысячи людей. Сила его

духовно-молитвенного состояния так сказывалась на приходящих к нему, что порой даже один его вид, одно стремление лицезреть святого старца просветляло и глубоко обнадеживало страждущего человека. И как счастливы были те, кто сподобился общения с великим угодником Божиим, кто высказал ему свои горечь и боль, получил благословение, услышал совет, заручился молитвенной поддержкой. В их судьбе все менялось уже с первых минут после беседы с ним, а в сердце их навсегда оставался его образ, который они несли в своей памяти всю оставшуюся жизнь. Такая благодать Божия почивала на нем.

Несомненно, молитвенное участие отца Иоанна сказалось и на судьбе исаломщика соловцовской церкви Федора Кондрашина, вынужденного в 30-х годах отречься от Бога и пойти на разрыв с Церковью. Позднее, в 40-е годы он вернется в лоно Святой Церкви, будет рукоположен в сан диакона и станет служить с отцом Иоанном в соловцовской церкви. А старец, приезжая в Соловцовку на праздники и в воскресные дни, будет часто останавливаться у о. Феодора на почлег. Видимо, отец Иоанн был его духовником. Скончался отец Феодор 28 марта 1952 года.

Очень часто в те годы к отцу Иоанну ходили спрашивать о колхозах. К последним он относился неодобрительно, считая их способом грабежа честного крестьянского труда. Однако на вопрос вступить или не вступить в колхозы, он больше советовал поступать по голосу своей совести и обстоятельствам. Глубоко переживая за судьбы народа, понимая всю тяжесть времени, видя голодающее население, старец болел за всех сердцем. Сколько любви было в нем и, руководствуясь ею, он не мог налагать на людей непосильное бремя – непременно отказываться от колхоза.

Повествуя о духовной помощи старца в те годы, приведем рассказ, записанный со слов ныне покойной жительницы Оленевки Полины Фирсовой Сухой, (1930 – 2007): «Как и многие, в начале 30-х гг. наша семья переехала в Оленевку из села Старая Студеновка Сердобского уезда. Тогда люди уезжали из тех мест из-за коллективизации и начавшейся потом голодовки. Мне было тогда 3 года. Председатель сельсовета Лездмач всех приезжих расселил по домам, дал жилье и нам. Моя мама Неонилла Петровна Сухова устроилась в Оленевке на свиноферму, пасла на пастбище поросят. Она уже многое слышала об отце Иоанне, но еще не встретилась с ним. И вот однажды она увидела идущего по лугу старца и подумала: «Не это ли и есть тот самый старец, о котором все говорят? Как бы мне к нему подойти, ведь у меня и конфетки с собой нет?». Тут старец сам подошел к Неонилле и начал разговор:

- Что-то не признаю кто это? У нас таких и нет.
- Батюшка, мы из Сердобска приехали, там голод был.
- Знаю, - отвечал старец.
- Вот не знаем, где оставаться - здесь или обратно ехать.
- Оставайтесь здесь, жизнь везде одинакова. Поживете немного, купите хорошаку, будете мне молочко носить».

Оленевка. Советское коллективное хозяйство

Каково было удивление Неониллы, ей не верилось, что в таком тяжелом положении можно купить корову. Это был 1935 год. Но шло время и вскоре, действительно, Суховы купили корову и часто носили старцу молоко. Однажды Неонилла принесла ему крынку, а он говорит ей: «Поставь на печку». Неонилла удивилась: всегда брал сразу, а тут - поставь на печку, звать, заболела корова. Пришла домой и, действительно, корова начала болеть. Пошла опять к старцу, он дал святой воды и сказал: «Окроши ее и в поилью подливавай». И скоро корова выздоровела.

В другой раз у 12 коров в Оленевке обнаружили туберкулез, велели всю скотину резать. Многие своих коров порезали, а Суховы пошли к батюшке за советом. Он резать корову не велел, сказал, чтобы сделали второй укол. Много пришлось им повозиться с буренкой, но она все же осталась жива и выздоровела. «Потом, - продолжала свой рассказ Полина Фирсова, - стала ходить к старцу и я, тоже носила молоко. А чтобы скрыться от лишних глаз, ходила через огорода».